

ИГРЫ

Юрий

ВАРВАРОВ

Проскуряков

Юрий Григорьевич Проскуряков

Игры варваров

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74332201

Игры варваров: Перо; Москва; 2026

ISBN 978-5-00289-079-8

Аннотация

Юрий Проскуряков пишет стихи всю свою жизнь, пишет много, и в этой поэтике в целом практически невозможно увидеть стройный и окончательный «архитектурный замысел».

Здесь имеется и своя неоготика, и свой «каталонский модерн», и испанская готика, полное смешение стилей. Всякий найдёт своё, сможет объять чувствами и зрением эти оригинальные формы: у храма – в камне, у поэта – в слове. А ещё – увидеть смысл в пожизненной неустроенности поэта среди духовной гнили «совка» (как и нынешнего «постсовка»), неустроенности отчаянной и почётной: «Я не смирился, но устал...».

Содержание

Об этой книге	6
Они нанесли чернила на волосы	11
«позвони в мекико...»	12
«воображение о людях...»	13
«кому прибыль другому гибель...»	14
«ты покрасила волосы в черный цвет...»	15
«в зеркале осталась женщина...»	16
«на электронном табло минус застрял...»	17
«хрупкие тонкие руки...»	18
«равнодушие это сон...»	19
«сотни сломанных камней...»	20
«мышь пробежала или ветер перевернул влажный лист...»	21
«рельсами ног карту обняв...»	22
«этот вечер прошел сквозь меня...»	23
«злой ветер рвёт листья...»	24
«я был античным городом у моря...»	25
«на краю империи...»	26
Алой тьмой брызг	27
«лорка перед расстрелом заметил...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юрий Григорьевич Проскуряков Игры варваров Стихи

© Юрий Проскуряков. Стихи. 2026

© Николай Аржанов. Живопись. 2026

© Юрий Проскуряков. Стихи. 2026

© Николай Аржанов. Живопись. 2026

*** * ***

Об этой книге

Если попытаться сравнить поэзию Юрия Проскурякова с чем-то осязаемым в мире культуры, то мне на ум приходит великая барселонская Саграда Фамилия (Temple Expiatori de la Sagrada Familia). О храме можно многое сказать, но, пожалуй, самое важное – эта архитектура не поддается стилевому определению, и уникальное здание «строится всю свою жизнь» (с 1882).

Так и Юрий Проскуряков пишет стихи всю свою жизнь, пишет много, и в этой поэтике в целом практически невозможно увидеть стройный и окончательный «архитектурный замысел».

Здесь имеется и своя неоготика, и свой «каталонский модерн», и испанская готика, полное смешение стилей. Всякий найдёт своё, сможет объять чувствами и зрением эти оригинальные формы: у храма – в камне, у поэта – в слове. А ещё – увидеть смысл в пожизненной неустроенности поэта среди духовной гнили «совка» (как и нынешнего «постсовка»), неустроенности отчаянной и почётной: «Я не смирился, но устал...».

И при этом – почти полное слияние со стихией стиха, несущей волной образов:

рукавом зелёных пустот

дикая разбежалась ртуть
азией столоначальных гор
в микроскопе твоих литот
пыль свобод не вернуть
расстрелянную в упор

или вот так:

пока лови моих слов звук
усмешек трепет
музыку что не для нас
сочиненья отрубленных рук
вырванных языков лепет
черного цвета страна

В более мягкие времена критики писали о Проскурякове, что «...его произведения интеллигентны, красивы и всегда проникнуты вдохновением. Как и у Мандельштама, присутствует эстетическая всеядность... его стихи и опусы на удивление монолитны и целенаправленны – „выбор и определение собственного мира“».

Однако, сегодня поэт в новой книге «Игры варваров», кажется, максимально жёсток и гражданственен:

в зеркале осталась женщина
через сигарету судьбы её вдохнула жизнь
прилипла ресница к слезе на память
война – это сезон дождей

о сыновьях и любимых
столько родных зеркал
в окнах где нет огня
вот паутина в углу
бывшая нервной системой
черные плакальщицы свяжут сосудами
рукавицы зимы
а ты не плачь
потому что слепые не знают страха
выдохни её дым
над останками городов

Память ушедшей любви кровоточит, словно разбомблённые земли, не даёт покоя:

твой образ во мне болит
ты умерла во мне как умирает харьков
станцуй ещё раз пока снайпер не отпустил курок

<..>

это не мы передёргиваем затвор эпохи
такой у нас сенокос
да и чем мы плохи
если мир летит под откос
собирая проекции впитывай всех
убивших себя не достигших цели
в молчании завершивших бег
или тех кто безвинно сели

а вы павшие прости нас бог
вот мы уходим
и белые вербы по краю дорог
всех настоящих и бывших родин

В новую книгу включены и стихи особой авторской поэтики, в Сети есть интересные определения того, что делает Юрий Проскуряков со своими словами, их сверх- и бес-сознательным:

«Сюр построен на бездне многоплановости, на раздвоении, на параллельных мирах сна и на герметичности. На слове – стенке, недоступной для бодрствующего сознания, а за этой стенкой стоит что-то гипнотизирующее, но недоступное. За стенкой стоит освобождённая мысль, не требующая разумной чёткости. Сюр стоит на запредельно объёмном слове и интенсивности переживания, а не на чётком слове... Его стихи – мрамор с дивными мирами-прожилками. А сюр – нефрит с малопонятной нетипичной полуобъёмной ритуальной перспективой, с волоконным плетением структуры.» (Ю. Милорава. «Юрий Проскуряков и сюрреализм»).

Со всем этим стоит согласиться, и вряд ли имеет смысл пытаться даже очертить в воздухе эту «Саграду Фамилия» полного корпуса текстов Юрия Проскурякова. Это огромный и намеренно усложнённый для понимания мир, который полностью понять и исследовать привычными методами вряд ли возможно.

Такой мир может распадаться на что-то очень важное или

не очень существенное, на чеканные трагические формулы –
сентенции, абсурдные метафоры или просто строки, с юности
запомнившиеся:

«...И надо пить вино и бегать в гости,
Играть придурка в Пасху на погосте
И кисть учить по-птичьи щебетать...»
Зато, потом,

«...возвратясь из парка с каруселью,
откроешь дверь – и за открытой дверью
в тебе мелькнёт смеющийся Париж».

Из «метафор-фуроров» Юрия Проскурякова можно по-
строить храм абсурда, а можно – замок любви, или цита-
дель отчаяния. Да что угодно: «строительный материал» ав-
тор стихов щедро и, наверное, даже лукаво предоставляет
читателю в неограниченном количестве.

Евгений Малякин

Они нанесли чернила на волосы

«ПОЗВОНИ В МЕХИКО...»

позвони в мексико
послушай звук этого города
вспомни детство
по ветру летят парашюты
ты маленькая
бежишь в овраг
где я тебя жду
вино уже созрело
но им не поделиться
ты по ночам сияешь в небе
где я собираю одуванчики звезд
в черный мешок
в котором обнялись
наши детские трупы
вращается пресс
выдавливая воспоминания

«воображение о людях...»

воображение о людях
нарушает покой
воображай о деревьях
раскинув ветви спокойных мыслей
ветер эпохи
держит арестанта за волосы
которые просочились в грунт
они дождь
которым плачет невозвратное прошлое
они не дают уснуть
там у корней тепло
не пренебрегай оттуда
смотреть на звезды
в них прячутся счастливые существа
но если тебя спросят
что есть счастье
отвечай
золотой динарий
спрятанный в лопухах надежды

«кому прибыль другому гибель...»

кому прибыль другому гибель
бред голубых хризантем
хоть под землю свали
растворились в асфальте хиппи
прожевав свое апарте
даже не услышав пли

рукавом зеленых пустот
дикая разбежалась ртуть
азией столоначальных гор
в микроскопе твоих литот
пыль свобод не вернуть
расстрелянную в упор

и вот теперь облака
сели на мой карниз
несбывшегося тиски
приспособиться и лакать
империи эпикриз
над прошлым зажав виски

«ТЫ ПОКРАСИЛА ВОЛОСЫ В ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ...»

ты покрасила волосы в черный цвет
став страной
не моей надежды
руки еще теплы а сердце нет
может паранойя
цветок головы срежет

пока лови моих слов звук
усмешек трепет
музыку что не для нас
сочиненья отрубленных рук
вырванных языков лепет
черного цвета страна

помню твою весну
всю в простушках сирени
русые волосы верни
золотые удары минут
ситцевые колени
лесных светляков огни

«В зеркале осталась женщина...»

в зеркале осталась женщина
судьбу ее вдохнула жизнь
прилипла ресница к слезе на память
война – это сезон дождей
о сыновьях и любимых
столько родных зеркал
в окнах где нет огня

вот паутина в углу
бывшая нервной системой
черные плакальщицы свяжут сосудами
рукавицы зимы
а ты не плачь
потому что слепые не знают страха

выдохни ее дым
над останками городов

«на электронном табло минус застрял...»

на электронном табло минус застрял
ленту истории прокрути вспять
упаковав человекa в экран
я не заметил – с тобой играл
и вот играю опять
проиграв талант

буря утихла перепав зеркалa
и лишь дурачок на наше свидание зырит в щель
это я опечаленный подстрижен под ноль
и дождь размазав чернила клякс
со стен отмывающий расстрел
превращается в алкоголь

стеклянную тару на мушку взяв
снайпер просыпал эпохи пыль
пока переигрывали сюжет
и яву прикуривая от явь
швырнёт зажигалку в автомобиль
и возвратит нас на этот свет

«хрупкие тонкие руки...»

хрупкие тонкие руки
на плечах обморочные крылья
мандельштамом прощай и рей
киевский вокзал суета звуки
московская камарилья
звуки лопающихся пузырей

не помню была ли луна двурога
нанизывала ли жизни клочья
после свистка состав загалдит
никогда не покидающая тревога
электрической ночи
впереди

я отдал тебя в племя чтобы самому не спиться
в толпы банальных лиц
а жизнь ты не берегла
и неясных образов вереница
сцепив вокзалы столиц
повисла на стрелах зла

«равнодушие это сон...»

равнодушие это сон
в котором не можешь отказать
пусть придет и ляжет рядом
равнодушие это запах жизни
засвеченной фотопленкой
что-то было что оставило напряжение
пустое напряжение
без понятия и смысла
не хочешь заглянуть за зеркало
пока я еще здесь

«СОТНИ СЛОМАННЫХ КАМНЕЙ...»

сотни сломанных камней
исчезнувшей навсегда жизни
тупо смотрю я в японский сад
на бесправную сэппуку окраин
было и наше время
окаменевших талантов молчаливый укор
черная птица бесшумно парит
и растворяется светом
этой жидкостью неумолимого бога

«мышь пробежала или ветер перевернул влажный лист...»

мышь пробежала или ветер перевернул влажный лист
почерневший за зиму на дорожке парка
замечаю жрущий огонь – это рок
твой образ во мне болит
ты умерла во мне как умирает Харьков
станцуй еще раз пока снайпер не отпустил курок

стыд перемешан с не вернуть мгновенье
с повтором в другой маленькой умиравшей на мои руках
растворившейся во времени раной
все бегает по паркету наши ночные тени
не зажигая огонь впотьмах
маленький мой подранок

я качнулся или земля ушла из-под ног
или времени не совпали звенья
ощущенье вины не дает вернуть
западает в слог
никогда не кончающееся вдохновенье
перехватывающий горло любовью путь

«рельсами ног карту обняв...»

рельсами ног карту обняв
медуза зеркалит щит
прилипли присоски станций
кинохроники явь
геликон басит
революций стансы

зло воплощая дев
то в соляной кристалл
то тоннелями одичать
чулки темноты надев
карты перелистав
составы стучат

выбираю осени сталь
шитьё дождя
блеск и миражи
технологическая печаль
любовь льдя
не дает жить

«ЭТОТ ВЕЧЕР ПРОШЕЛ СКВОЗЬ МЕНЯ...»

ЭТОТ ВЕЧЕР ПРОШЕЛ СКВОЗЬ МЕНЯ
И УНЕС ТЕХ КТО ЛЮБИЛ
В СЕРЕБРЯНЫЙ САД
ГДЕ ЖЕЛЕЗНАЯ ПТИЦА
ПОЕТ СВОИ СТРАШНЫЕ ПЕСНИ
ЕСЛИ ТЫ ЗАБРЕДЕШЬ ТУДА РАНЬШЕ
ПОДОЖДИ МЕНЯ
КАК ОСЕНЬ ЖДЕТ СНЕГ
В ЧИСТЫХ БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ
НЕСЛЫШНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

«Злой ветер рвёт листья...»

злой ветер рвёт листья
сельских старых деревьев
жёлтые пенсионные листья
разменной монетой
они безропотно ложатся в грязь
в густой чернозём
я вспоминаю воронку шеррингтона
и понимаю про месть

«я был античным городом у моря...»

я был античным городом у моря
сцепилась с башней полная луна
и труп повис с изящного балкона
в иных местах без стульев просто горе
вот он сорвался и упал в канал
как вертолет в предместьи сайгона

повтор событий – маятник фуко
из будущего в прошлое насосом
вращает безнадежный антрацит
и западая в легкие легко
китай на черепах гадает косо
любому кто уже отдал концы

когда восстанут мертвые от сна
я буду ждать в озерном беспределе
шрам на плече где место для звезды
и этот стикс похожий на канал
где лодка продвигаясь еле-еле
скользит на черном зеркале воды

«на краю империи...»

на краю империи
среди свиней
вечных спутников одиссея
павлин развернул вечности перья
полные огней
и вошла фея

серебряная калипсо
обещанием не стареть
до этого я ей снился
там был сквер где цвели липы
и никто не мог умереть
пока белый флаг на ветру бился

и хлопал в ладоши каждый выстрел
тело мое использует астроном
в нем умещаются все галактики зла
ты обо мне слезы вытри
мы еще встретимся за углом
где в зеркалах нет стекла

Алой тьмой брызг

«лорка перед расстрелом заметил...»

лорка перед расстрелом заметил
два тореадора сельский учитель и лирик-поэт
вся испания и расстрел на рассвете
в расцвете лет

кто-то скажет нищий девчушка вор и барыга
весь иконостас
совершенно другая лига
открестимся не про нас

это не мы пьём забытьё переходя предел
завязнув в телевизионном квесте

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.